

Сон катится золотой (о стихах С. Кековой)

Недавно в книге стихов Веры Павловой я прочла строки:

Елены Шварц костлявы пескари.
Светланы Кековой пластины хека –
Январский мрамор. На исходе века
Нас мало, нас, быть может, трое, Три
Дороги, карты, грации, сестры,
Колдуньи, мойры, буквы, ипостаси...

Да, этих трёх поэтесс – несмотря на всё их различие – многое объединяет. Для самой Павловой это, по-видимому, избранность, первостепенность их звёздных имён на современном поэтическом небосклоне. Большинство читателей и критиков связывает эти имена с фактом литературной моды, получения престижных премий, частых журнальных публикаций. Для меня же их творчество роднит то, что всё это – ненатуральная, конструктивная, искусственная поэзия. Попытаюсь сейчас это доказать на примере стихов одной из вышеназванных "граций, колдуний, мойр", нашей саратовской поэтессы Светланы Кековой.

Грация, колдовство, волшебная музыка её стиха действительно поначалу завораживают.

Ах, настрой свой нефритовый Цинь,
Свой нефритовый Цинь семиструнный!

* * *

Забудем, забудем, забудем навеки,
На мельницу сплавим, в муку перемелем.
Друг друга водою обнявшие реки
Томятся в угоду неведомым целям.

Ровный, бесстрастный, отрешённый от всего земного голос. Убаюкивающая, умиротворяющая интонация. Гармония? Да, но... Какая-то неживая, хладнокровная. "Над вымыслом слезами обольюсь", – не о ней. Ни слез, ни смеха, ни гнева, ни боли – ничто не несут эти нотные знаки слов.

Ничего-то я не слышу, кроме
Звука эль, терзающего слух.

* * *

На древесном и птичьём любовь говорит языке –
По ночам шелестит, а под утро свистит и щебечет.
Чтоб ты мог услышать этот щебет, и шелест, и свист...

"Этот щебет, шелест и свист" я слышу, но мне этого мало. Как там у Заболоцкого?

Но возможно ли русское слово
Превратить в щебетанье щегла,
Чтобы смысла живая основа
Сквозь него прозвучать не могла?

Возможно ли из всей многообразной гаммы человеческих чувств и ощущений взять лишь одну ноту – пусть взятую высоко и чисто, но лишь одну, и на ней лишь строить песочный замок своей поэзии?

"Какая божественная музыка!" – восклицают поклонники стихов Кековой.

Но поэзия – это не только музыка, в основе её прежде всего слово. Зачем так обеднять её назначение? Музыка – это лишь фон, лишь средство. Именно слово служит связующим звеном между сердцами и умами людей, оно должно нести в себе какой-то смысл, понятие, содержание, сущность. Его нельзя свести к звукам арфы и щебетанью щегла, как бы они ни услаждали наш слух. И если при этом молчит сердце, ум, если душа не работает, не трудится, – а над чем ей здесь трудиться? Закрой глаза и бездумно плыви по течению, "ты ж дремли, закрывши глазки, баюшки-баю", – зачем нужна такая поэзия? Лучше уж поставить Шопена. А

...складывать звучные строфы,
Прикрыв неживые глаза,
Про то, как на череп Голгофы
Присядет на миг стрекоза, –

стоит ли?

Там пахнет полынью цитварной,
Так тёмен звериный устав,
Что вновь обновляется тварный
Подлунного мира состав.

Я не понимаю этих строчек, не понимаю, что стоит за этими выпендренными, туманными фразами, которые, – "как речь японца, что звучит красиво и непонятно" (строчка из другого стиха.) И, по-моему, автор и не хочет, чтобы их понимали. Она хочет другого: заколдовать, задурманить, заморочить, опоить нас наркотическим зельем своих стихов. "Это похоже на сон морфиниста", – как говорит она в одном из стихотворений.

Сделай мне отвар из болотных трав,
Мой опасен дар, мой язык лукав,
Мозг, как грецкий орех, морщинист.

Так и видишь все эти лягушачьи лапки, змеиные чашуйки, летучьемышьи крылышки, рыбы остовы, на которых настаивается горько-сладкая кековская поэзия.

Сладкий пламень тело выест
И обгложет до костей.

Бр-р-р!

Если выпить до дна этот яд, причиняющий смерть...

Не пей, читатель, этот "опиум для народа." Козлёночком станешь.

У Кековой есть одно стихотворение, об апельсинах, где есть такая строчка:

И подобно апельсину, сон катится золотой.

Она мне напомнила знаменитую строфу Беранже:

Господа, если к правде святой
Мир дорогу найти не сумеет,
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой.

Сон золотой – это, конечно, красиво, приятно, возвышенно. Но предпочтительнее всё же искать дорогу к правде. Сами стихи Кековой – как эти апельсины, грейпфруты, чья "кислота и сладость" услаждает утончённый пресыщенный вкус, но это не хлеб и вода, без которых нельзя жить. А если и вода, то – дистиллированная, о которой писал Леонид Мартынов: "ей не хватало сора, тала. Ей жизни не хватало – чистой, дистиллированной воде". А Пастернак так говорил о такой поэзии: "Она – как узор на обоях – достаточно приятна, но без действительной внутренней необходимости."

Предвижу возмущение местных критиков, искусствоведов, почитателей творчества поэтессы: как посмела! Замахнуться на святая святых, "живого классика" (так назвала её Т. Зорина в телепередаче), нашу гордость, "наше всё" саратовской поэзии! Но – успокойтесь, господа. Священных коров, то бишь особ, неприкосновенных для критики, не существует. И Карабчиевский писал о Маяковском, и Писарев о Пушкине, и ничего, слава их от этого не пострадала. (Себя я с ними ни в коей мере не сравниваю, просто обозначаю прецедент). Согласитесь, что в общем хоре похвал может прозвучать и иная точка зрения. Тем более, что её разделяют, как мне известно, многие, но ни у кого не достанет ни смелости её высказать, ни умения точно и аргументированно сформулировать свои мысли. Так что я это делаю как бы и за них тоже.

Да, стихи Кековой высокопрофессиональны. Кто спорит? Но вот Борис Чичибабин писал:

Нехорошо быть профессионалом.

Стихи живут, как небо и листва, –

имея в виду естественность и органичность, присущие истинной поэзии, которая всегда чуточку "глуповата", по выражению Пушкина, то есть простодушна. Поэзия Кековой слишком профессиональна, слишком мастеровита в дурном значении этого слова. Высокопарна, ходульна,

искусственна. Её "язык лукав." В стремлении "сказать красиво" и эффектно ей даже порой изменяет вкус.

Воздух Богом несом,
И поэтому он невесом.

* * *

Богиня сна приобретает
Антропоморфные черты.

* * *

Прими же кинжал из Господней руки
И надвое сердце моё рассеки.

* * *

А в городе дощатые гробы
Отверзли повреждённые гортани.

* * *

Но слова впились, как клещи,
В звуковое тело дня.

* * *

Кто в гнёздах слов высижывал птенцов?

* * *

Жало плоти впивается в душу...

* * *

В пыльной, мусорной яме геенны
Наша смерть выгорает дотла.

* * *

Ночь – это дверь, ведущая во мрак,
Где ангел тьмы отводит голый локоть.

* * *

... Ангелы разлуки
Из бедной плоти вынут жало сна,
Чтобы её освободить от муки.

* * *

Ангел времени ранен навывлет...

Ангелы тьмы, ангелы разлуки, ангел времени, "ангел Божьего лица", "ангел подводный", "ангел сухопутный", "огненный ангел в чалме", – каких только

ангелов не встретишь у Кековой! И мохнатого, и бамбукового, и с чёрными крылами, и с белыми, и без оных, и "со слезой на подбородке или с пеною морской", и даже такого, который "слово, как снулую рыбу, чистит, режет, потом потрошит". А что? Как проверишь? Кто их когда видел, этих ангелов? Я понимаю: богатство фантазии, роскошь метафор. Но... Хочется сказать её же строчкой:

Слова, как древнегреческие лиры,
Звучат во сне. Их звук бывает лжив.

И ещё:

И ты у бездны на краю отбрасываешь тень,
Когда в искусственном раю уже цветёт сирень.

Как в "искусственном раю" я чувствую себя в её поэзии. Где она эту самую "тень" наводит, грубо говоря, на плетень.

Пространство выгнуто, как парус –
Везде закон его таков,
И составляют верхний ярус
Большие лица мотыльков.

Про "большие лица мотыльков", конечно, сильно преувеличено, но если поэт так видит.. Непонятно только, почему в другом стихотворении у неё "насекомых маленькие лица спрятаны меж крыльев от меня." А мотыльки – не насекомые, что ли? Так большие все же или маленькие лица у насекомых? Нет, мне интересно.

Когда я читаю у Окуджавы: "Круглы у радости глаза и велики у страха", – я понимаю эту метафору, она психологически оправдана. Здесь – абсолютная прихоть стихотворца, пишущего по своему произволу, высокомерно не заботясь о читателе: поймёт ли, поверит ли. Не "пишу как дышу", а "пишу – как хочу", что хочу, то и ворочу. И – "подите прочь, какое дело поэту вольному до вас!" Мы рождены для вдохновенья, для звуков сладких и т.д.

Одно из расхожих представлений, ставшее уже чуть ли не аксиомой, что художник мыслит образами, что без образности нет поэзии. Вовсе не обязательно. В стихотворении "Я Вас любил" нет ни одной метафоры, но тем не менее оно нас трогает и потрясает. Не надо путать поэзию с поэтичностью, это разнородные понятия.

У прошлого запах укропный – и мне не сносить головы.
Смеркается, зверь допотопный выходит из тёмной травы.
Ни страха, ни плотского пыла, ни плоской звезды в кулаке –
Сорвём ли кукушкино мыло и спустимся к мелкой реке...

Чем дальше в лес – тем больше дров. Недоумение растёт с каждой строчкой. Что это значит? О чём это? Что она хочет сказать? Тс-с... Тайна сия

велика есть.

Где ты, моё убежище и кров?
Ты видел свет? Он был похож на ров
Вблизи от неподвижного предмета
Вокруг него...

Замороженный читатель ещё барахтается в этом тёмном омуте слов, пытается выплыть, цепляясь за крошечную соломинку брезжущего смысла, но – куда там. Поэт сталкивает его вглубь – не надейся. Тони! Туда тебе и дорога.

Как свет, играет рыба на мели,
И вижу я сквозь трещины земли
Детали грандиозного устройства –
Не здания, а лишь его фасад,
И думаю: наверно, это ад
Какого-то особенного свойства.

Что? Как? Почему? А потому. "Почему это так – не ответят Закон и Пророки", – пишет Кекова. И не пытайтесь докапываться до смысла, – честно предупреждает поэт. Его попросту нет.

Не пытайтесь увидеть – надир впереди ли, зенит,
И не тщись разгадать непонятные знаки и числа.
Пусть звучаньем тебя музыкальная фраза пленит,
Не звучанием, нет – красотой, лишённой смысла.

Это – кредо. Позиция.

Неба ёж в клубок свернулся и роняет вниз иголки,
Звук бессмысленный вернулся, ангел смысла улетел...

* * *

Поймаю я и уничтожу
Бессвязный смысл постылых слов.

Надо сказать, ей это почти удалось. А вот Заболоцкий был иного мнения:

И в бессмыслице скомканной речи
Изошрённость известная есть.
Но возможно ль мечты человечьи
В жертву этим забавам принести?

Это не значит, что я призываю свести всё к простоте и ясности Лебедева-Кумача или Асадова. В словосочетании "поэтический смысл" главное слово – "поэтический", но всё же именно смысл! Даже Мандельштам, молившийся "за блаженное, бессмысленное слово", называл себя "смысловиком".

Слово, лишённое смысла, мстит за себя, оставляя пустую оболочку и закрывая доступ к душе читателя. Ему мало красивой абракадабры.

И что есть смерть? Дыра в дыре,
Где демон воздуха берётся
Твой дух пленить, поймать уродца
Верхом на мыльном пузыре.

"Верхом на мыльном пузыре" далеко не уедешь. Разве только в "искусственный рай". Литературной элите и их светским тусовкам свойственно раздувать и превозносить поэтические мыльные пузыри. У снобов нет личного мнения. Они мыслят кланово. Для них характерно этакое духовное лакейство: имеет значение то, что престижно, модно, круто. Если автор умело подаст себя, упакует в нечто экзотическое, глубокомысленное, куртуазное, напустит загадочного туману, создаст себе соответствующую ауру, имидж – его заметят и признают. Суть их не интересует. Важна упаковка, оперение.

Вспомним историю с Черубиной де Габриак. Классический сноб, редактор журнала "Аполлон" Сергей Маковский с пренебрежением отнёсся к стихам поэтессы Е. Дмитриевой – невзрачной учительницы, никому не известной и ничем с виду не примечательной. И тогда Волошин, прекрасно зная эту публику, решил над ней подшутить: подучил Дмитриеву прикинуться загадочной титулованной знатной красавицей с экзотическим именем Черубины де Габриак, после чего те же стихи в новом прианном антураже были встречены тем же Маковским с бурным восторгом.

Однажды со мной произошёл чем-то похожий случай. Я прочитала одному редактору – такому же неисправимому снобу – стихи о любви, которые показались ему весьма незатейливыми:

Угадаешь ты её не сразу,
Жуткую и тёмную заразу,
Ту, что люди нежно называют,
От которой люди умирают...

Стихи эти были удостоены пренебрежительного отзыва как не отвечающие утончённому просвещённому вкусу. Редактор не знал, что это были строки Ахматовой. А узнав, не очень-то и смутился. Ну и что, Ахматова, вчерашний день. Вот Елена Шварц, это да... Е. Шварц – знамя постмодернистов, обладательница престижных премий, элитарная поэтесса, что называется, не для всех. Цитирую наиболее типичное:

Стихотворение в священном гневе
С диким оскалом во лбу
Прижало к зрачкам своим пьяным .
Золотую (кровь мумий) трубу.
Вскидываясь, плясало.
– Ты разве чужой шаман? –
Я спросила его устало.
Оно упало, привстало,
Бросилось с бубном в туман.

Я вздрагивала со всхлипом
И каялась всей семьёй,
А тайна слова живого
Сыпалась в ухо моё.

Подобные стихи – клад для доцентов от литературы. Учёные-слависты будут с пристрастием докапываться, что же хотела здесь сказать поэтесса. Да ничего не хотела сказать, и ничего не сказала. Смысла здесь нет, потому что нет поэзии, нет "тайны слова живого", о котором она пишет. Перед нами типичный образчик поэтической лжи. Вернейший её признак – дурное фантазирование: попытка вызвать в воображении читателя то, что сам автор ни увидеть, ни вообразить не может. Эти "оскал во лбу", "кровь мумий", "золотая труба", прижатая к "пьяным зрачкам", всё это – фальшивое, вымученное, натужное, аморфное словоблудие – вот что это такое. "Словечка в простоте не скажут – всё с ужимкой."

В. Ходасевич не признавал зауми в стихах, считая, что "решать крестословицы – зря потерянное время, ибо... кому охота колоть твёрдые, но пустые орехи?" Он писал:

Я – чающий и говорящий.
Заумно, может быть, поёт
Лишь ангел, Богу предстоящий,
Да Бога не узревший скот
Мычит заумно и ревёт.
А я – не ангел осиянный,
Не лютый змий, не глупый бык.
Люблю из рода в род мне данный
Мой человеческий язык.

Переболев абсурдом и заумью в 10-20-х, поэзия вернулась к поэтическому смыслу, к "бессмертному солнцу ума", завещанному нам Пушкиным. Но рецидивы той давней болезни, как видим, встречаются и сегодня.

Кекова шаманит, заговаривает, плетёт словесные кружева:

Но странное имя приходит на ум,
В нём спит драгоценная смысла награда,
Пока укрывается птичий колдун
В прохладной листве Гефсиманского сада.

И снова от наваждения спасает Заболоцкий:

Нет! Поэзия ставит преграды
Нашим выдумкам, ибо она
Не для тех, кто, играя в шарады,
Надевает колпак колдуна.

Чтобы не быть голословной и обвинённой в "вырывании из контекста" и подтасовках, привожу ещё несколько образчиков поэтической речи Кековой:

Ни звука о любви – ведь нет надёжных средств,
Чтоб слово и предмет не потеряли сходства.
Что вещество греха? Еда простых существ,
Спасающих себя от похоти господства.

* * *

Смерть бессмертна, пока не исполнился срок, –
Юридический казус, тоски кувырок,
Механических тел клоунада.

* * *

Беззубо скалит зубы голова,
Живущая на небе, словно в ссылке, –
Там нет волос, растущих, как трава,
На темени, висках и на затылке.

Кто любит шарады, кроссворды – могут поупражнять здесь свои способности. У Кековой зачастую отсутствует логическая связь между строчками, они пишутся по принципу "в огороде – бузина, а в Киеве – дядька":

Холодна вода проточная, на восток течёт река,
Появилась буква строчная на листе черновика.

* * *

Зрение и слух зачастую вредят осязанию.
В узком дворе чешую очищаем сазанью.

* * *

Виден в небе Овен сквозь глаз Тельца.
На цветах в июле нежна пыльца.

* * *

Рок по латыни значит "фатум",
И тень твоя взошла на трон.
Мы исчерпали слово "атом",
Найдем другое – "электрон".

Что это? Одному Богу известно.

Бог у Кековой – не поэтическая условность, а реальный персонаж её поэзии. Из стиха в стих кочуют Господь, Христос, ангелы, волхвы, Иуда, Ева, Лилит, Ной... Ни одно стихотворение не обходится без библейских подпорок.

И горькую воду Господь усладит,
И грешникам бедным поможет.
И время навеки застынет для них...

* * *

Пока не пробил час Суда
И мир Господь не сжег...

* * *

Что бы ты ни делал – среди олив
Одичавших будет бродить Христос.

* * *

Жив Христос, и готовит Иуда
К поцелую сухие уста.

Да, поэзия – это разговор с Богом, но не такой же навязчивый и буквальный. Ведь практически в каждом стихе упоминается имя Господа всеу:

Когда Господь протянет руку мне...

* * *

Бог меня, как видно, лишил ума...

* * *

Если свет в окне твоём потухнет,
Бог меня, убогую, спасёт.

* * *

Платок надела чёрный
И плакала, и думала о Боге.

* * *

Вернулся в грешный мир Господь, а это значит,
Что мне не отмолить уже своей вины.

Вот понравилась мне строфа:

То, что жизни и смерти дороже,
Я сегодня куплю за гроши.
Что ж ты водишь ладонью по коже –
Шелковистой изнанке души?

Но как же мало таких строчек, с живой человеческой интонацией, с чуть заметной долей женского лукавства. Только проблеснёт такая жемчужина, а следом, глядишь, опять – Бог, Христос, Иуда... Сколько можно? И не лучше ли

читать просто саму Библию без этого сурдоперевода?

Я только форма Твоего огня...

Но где он, этот огонь?

Друг для друга мы сделались безднами,
Чтобы плакать и Бога хвалить.

И только-то? Невелика бездна.

Потому что всё вокруг трепещет,
Слезы ослепительные льёт,
Под луною странным блеском блещет
И хвалу Всевышнему поёт.

Когда-то в эпоху застоя в ходу была такая шутливая присказка:

Прошла зима, настало лето.
Спасибо партии за это.

А здесь за всё – спасибо Богу. Всё в руке Божьей. Вплоть до абсурда:

Сдав прошение на выезд,
Ждёшь от ангелов вестей.

Долго вести ждать придётся –
Не утопан неба наст.

Вплоть до того, что

...убоявшийся имени Божьего, как сухая трава шелестит.

...деревья шествием икон становятся.

...повсюду молча деревьев стоят иконы.

...сотворённый Богом, сверкает воздух, как алмаз.

...каждый звук немислимых словес

Летит из уст неведомого Бога.

И свет был Богом, как сказал поэт.
В глыбе времени выдолбил
Бог пустое пространство.

Прислушиваться к звёздам я устала,
Но слышу то, что мне диктует Бог.

Бог наделяет нас дарами –
Пространством, временем, сумой.

Всё Бог, Бог, Бог... А что же сам человек? Или от него совсем уж ничего не

зависит и он лишь марионетка в руках невидимых сил? А может быть, всё-таки, как пишет сама Кекова в минуту прозрения, –

Пора закончить волхование,
Стать человеком и травой?

В стихах Кековой нет жизни. Это взгляд на мир из монастырской кельи, взгляд человека, лишённого живых человеческих чувств, живых впечатлений бытия. Даже не человека, а бесстрастного и непогрешимого человека-ангела, взирающего на нас, простых смертных, с высоты своего Олимпа. Она уже там, одной ногой в вечности, она выше всех этих мирских дел и страстей, она как бы "над схваткой." Но человек не может быть над схваткой, как роженица не может быть над схваткой, мы все рожаем эту новую жизнь, мы все причастны к её рождению.

Пройти вдоль вод, не замочивши ног,
Из сорных трав сплести себе венок,
Убрать с крутого лба седую прядь,
На дудочке пастушеской играть,
Смотреть, как в небе тают облака,
И петь про то, что будет жизнь легка.

Ой ли? Вряд ли удастся поэту – если он поэт – пройти, "не замочивши ног". Эта пастушеская дудочка оборачивается убийственной дудочкой крысолова, смертоносной волшебной скрипкой, "разрывом аорты" и "гибелью всерьёз", она вообще опасна, вакансия поэта, если не пуста. Это тяжёлое, кровавое дело.

Достоевский когда-то сказал юному Мережковскому, показавшему ему свои первые "невозмутимые" стихи: "Страдать нужно, молодой человек, а потом уж стихи писать". Мережковский так и не научился страдать, его стихи, приобретя мастерство и силу звучания, остались мертвенными, умозрительными, не способными тронуть сердце. Мне кажется, здесь тот же самый случай. В этой стерильной сладкогласности нас "ничто не мучит, не тревожит". Здесь нет той боли, которая "трещиной прошла через сердце" Гейне. Нет той жажды жизни, которая звала "мыслить и страдать" Пушкина. Нет того, от чего бы, как у Тютчева, "...и сердце на куски не разорвалось..."

Кто-то из классиков сказал, что "стиль – это человек". У поэзии Кековой есть свой стиль, своё неповторимое лицо, которое, правда, мне кажется скорее маской. Причём чуть ли не гипсовой. Трудно представить себе человека, который в нашей реальной жизни – не монашкой в монастыре, не отшельницей где-нибудь в Оптиной пустыни, а здесь и сейчас – жил бы так, как она пишет. "Живём-то, говорю, не на облаке", – как пел Галич.

Однако и сквозь эту неповторимость порой пробиваются знакомые интонации:

Дал Господь мне дожить до Успенья.

Слыша сердца последний удар,
Получила я голос для пенья
И опасный пророческий дар.

Что это, как не Ахматова? Явственно слышится голос позднего
Заболоцкого в строчках:

Не видит, не слышит, не внемлет,
Не хочет он знать ничего,
И ветер пустынный колеблет
Материю платья его.

Строка "Злая зима в этом тысяча мёртвом году" вызывает в памяти "Стихи
о неизвестном солдате" Мандельштама:

Я рождён в девяносто четвёртом
Ненадёжном году...

А строки

А мы всё плывём и не слышим ни звука,
Но в слове "мука" просыпается "мука" –

почти калька с раннего стихотворения Цветаевой:

Всё перемелется, станет мукой?
Нет, лучше мукой!

А вот это уже явный Бродский:

Так некий дух летал над оголённой степью,
Так звенья наших тел казались Богу цепью,
Так осыпался мак, так строил время плотник,
Так волк среди собак до мяса был охотник...

И хотя такие примеры можно ещё длить – всё же, надо сказать, они для
поэзии Кековой нехарактерны. Свой, узнаваемый с первых же звуков голос, в
ней безусловно присутствует.

Бродский как-то сказал о стихах Ахматовой, что "это поэт, с которым
более-менее можно прожить жизнь." О стихах Кековой этого не скажешь. С
ними только умирать хорошо, сладко мечтая о том свете.

Вижу, вижу смерть другую,
Знаю смысл её и цель,
Вижу плоть её нагую,
Лона маленькую щель.

* * *

Как облик смерти смертным чужд! Глаза её узки.
Она огонь для наших нужд разрежет на куски.

* * *

Смерть твоя в земле найдётся,
Руку тонкую подаст.

* * *

Засыпай, ребёнок глупый,
Смерть свою рукой нащупай...

* * *

Слезы призрачной смерти пролей ты. . .

* * *

Как близится смерть в шутовском колпаке,
Надетом на лысую голову. . .

* * *

В нас смерть, как в море, мечет невода. . .

* * *

Каждый сам себе мучитель, и учитель, и отец,
Жалкой жизни расточитель, смерти маленький светец.

* * *

Растопи же свою свечу,
Чтоб гадать мертвецам на воске.

* * *

И вот лампада деревянным маслом
Наполнена, и сон на духов наслан...

В этих стихах нет звуков и запахов живой жизни, от них веет затхлостью древних папирусов, церковным ладаном, могильным тленом. Кажется, таким языком заговорила бы ожившая египетская мумия. Маяковский писал, что когда он впервые услышал голос Есенина, ему показалось, что "так заговорило бы ожившее лампадное масло." По отношению к Есенину это, на мой взгляд, сильно преувеличено. А вот к стихам Кековой голос "ожившего лампадного масла" очень бы подошёл. Как это у Вертинского? – "Ваши пальцы пахнут ладаном."

А время шло. Вокруг текла вода.
И мертвецы, питаясь пищей скудной,
Молились и мечтали иногда,
Что смерть пройдёт и День настанет Судный.

* * *

Рвётся саван заштопанный,
Ибо он на нитку живую зашит.

* * *

Чай в фарфоровом чайнике плещется,
В тесном ящике кости гремят.

* * *

А иссохшую мумию слова
Положили в пустой саркофаг.

Даже природа у Кековой какая-то кладбищенская, неживая:

Мёртвые ели ведут к аналою
Еле заметные тени берёз.

* * *

И тайной смерти мета,
Геральдика иного бытия
Угадывалась мной в листве узорной.

"Пахнет ладаном можжевельник", "в Елшанке ели расточают ладан," "копошатся, как мелкие черти, муравьи в муравьином аду", "небо в звёздах как тело в коросте", "луна, как кошка, лижет стынущие руки в вечном холоде разлуки", "сердобольный маленький паук сшивает саван на живую нитку", "и опёнки в рубашках коричневых на гнилых изгибаются пнях."

Холодный, мертвенный, выморочный мир. В одном из стихотворений Кекова пишет, что стихи, "как сказал Мандельштам, нам напомнить должны винограда мясные волокна". Если дословно, то у Мандельштама "язык освежит" "виноградное мясо стиха." Так вот стихи Кековой это освежающее "виноградное мясо" никак не напоминают. Бесплотный призрак, скелет, святые мощи – да, а мяса, плоти стиха у неё не чувствуешь. Один дух, да и тот на последнем издыхании.

* * *

Свет бесплотный, серебристый дождь кислотный....

* * *

И, напрягая зрение и слух,
Заглядывает в окна беглый дух,
Как бы скелет с приросшей к рёбрам плотью.

* * *

Но в конце судьбы короткой, на исходе грустных лет,
как в стакане с царской водкой растворяется скелет.

* * *

Мы – живые свечи – огнем не горим, а тлеем.

* * *

Только милостив Господь, и на маленьком погосте
Обретают снова плоть мертвецов сухие кости.

* * *

Нет ни в жилах любви, ни в костях,
Ни в поношенном саване белом.

* * *

И будет мир молчать, как поезд похоронный...

Стихи Кековой – это ледяной дом, ледяной гроб. В них, как в царстве снежной королевы – холодно и мертво. Чем-то они напоминают стихи Сологуба:

Мы устали преследовать цели,
На работу затрачивать силы,
Мы созрели
Для могилы.
Отдадимся могиле без спора,
Как малютки своей колыбели,
Мы истлели в ней скоро
И без цели.

В 1912 году М.Горький опубликовал свою сказку о поэте Смертяшкине – убийственную сатиру на поэтических проповедников пессимизма. Герой этой сказки поэт Евстигней Закивакин начинает свою поэтическую карьеру с объявлений в стихах для похоронного бюро:

Бьют тебя по шее или в лоб –
Всё равно ты ляжешь в тёмный гроб.

Честный человек ты иль прохвост –
Всё-таки оттащат на погост.

Правду ли ты скажешь иль соврёшь –
Это всё едино: ты умрёшь.

После чего Закивакин перешёл в новый прогрессивный журнал для юношества "Жатва смерти" и взял себе гордый псевдоним Смертяшкин. "И с того дня, – пишет Горький, – постигла Евстигнейку слава: прочитали жители стихи его – обрадовались: – Верно написал, материн сын! А мы живём, стараемся кое-как, то да сё, и незаметно нам было, что в жизни-то нашей никакого смысла, между прочим, нет. Молодец Смертяшкин!

И стали его на вечера приглашать, на свадьбы, на похороны да поминки, а

стихи его во всех модных журналах печатаются по полтине строка, и уже на литературных вечерах полногрудые дамы, очаровательно улыбаясь, читают поэзы Смертяшкина:

Нас ежедневно жизнь разит,
Нам отовсюду смерть грозит!
Со всяких точек зрения
Мы только жертвы тления!

Браво! Спасибо-о! – кричат жители."

Но мы так кричать не будем. А скажем опять-таки строчкой самой Кековой: может быть, не стоит

"и словами соря бесполезными,
Неживым языком шевелить"?

В 19 веке был очень моден поэт Бенедиктов. Литераторы и петербургские чиновники были от него в полном экстазе. И только Белинский осмелился поставить под сомнение дар Бенедиктова, не оставив от него камня на камне в своей статье, чем навлек на себя гнев всей прогрессивно мыслящей литературной общественности. Но время подтвердило его правоту. Недавно мне попала на глаза эта статья, и меня поразили многие её суждения сходством с моим впечатлением от стихов Кековой. Ну вот, например:

"И между тем, спрашиваю вас, неужели это поэзия, а не стихотворная игрушка, неужели эти выражения вылились в вдохновенную минуту из души взволнованной, потрясённой, а не прибраны и не придуманы в напряжённом и неестественном состоянии духа, неужели это бессознательное излияние чувства, а не набор фраз, написанных на тему, заданную умом? И взгляните пристальнее в этот фальшивый блеск поэзии: что вы найдёте в нём? Одно уменье, навык, литературную опытность и вкус."

И вот эти цитаты вполне могли бы, на мой взгляд, быть отнесены к её поэзии: "Не сразу могут отличить поддельное вдохновение от истинного, риторические вычурности от выражения чувства, галантерейную работу форм от дыхания жизни."

"Цветистая фраза принимается за мысль, за чувство, стихотворные гримасы – за оригинальность и самобытность."

"Стихотворения Бенедиктова обнаруживают в нём человека со вкусом, который умеет всему придать колорит поэзии, иногда обнаруживают превосходного версификатора."

"Простота языка не может служить исключительным признаком поэзии, но изысканные выражения всегда могут служить верным признаком отсутствия поэзии. "Тёмные, затейливые мысли, разложенные на чистые понятия и теряющие от этого всякий смысл, отличают одну риторическую шумиху, набор общих мест".

Я снова и снова перечитываю стихи Кековой, стараясь быть объективной и честной перед собой. Может быть, всё же не права, чего-то недопонимаю, не доросла до высоты их величия, грандиозности поэтического масштаба? И ловлю себя на том, что делаю это с усилием, заставляю себя читать. А это нехороший признак. Настоящая поэзия читается взахлёб, от неё невозможно оторваться. (Не помню, кто из классиков сказал о каком-то поэте: "Не читать его – преступление, но читать его – наказание.")

Думаю, даже знаю – у многих такое же восприятие её поэзии. Но... Срабатывает синдром "голового короля". Каждый боится обвинения в том, что, дескать, не дорос, недопонял, недопостиг, и спешит "отметиться" на очередном поэтическом вечере литературной звезды, засвидетельствовать свою причастность к "высокому искусству". Я, мол, из касты избранных, посвящённых, белая кость, элита. (Был такой анекдот о снобах: "Вы читали Кафку?-Отнюдь. ") А спроси такого читателя-почитателя, – что он вынес из чтения? Запомнил хотя бы одну строку? Сомневаюсь. Когда закрываешь книгу, в голове ничего не остаётся, одна кисло-сладкая муть.

"Бойтесь эстетов, – писала Цветаева Бахраху. – Эстетство – это бездушие. Замена сущности – приметами. Эстетство – это расчёт. Взять всё без страдания, даже страдание превратить в усладу. Дитя, не будьте эстетом! Не любите красок – глазами, звуков – ушами, любите всё душой. Эстет – это мозговой чувственник, существо презренное. Все пять чувств его – проводники не в душу, а в пустоту."

И снова вернёмся к Заболоцкому. Так что же такое поэзия? – перефразировала бы я его строки о красоте. "И почему её обожествляют люди? Сосуд она, в котором пустота? Или огонь, мерцающий в сосуде?"

Или. Огонь. "Тайный жар" стиха, который, как писал Блок, "тебе поможет жить." И "красотою, лишённую смысла", "золотым сном" разума его не подменишь.